

КЕРРИ ФИШЕР

ПОСЛУШНАЯ ЖЕНА

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Ф68

Kerry Fisher
THE SILENT WIFE
Copyright © Kerry Fisher, 2017
All rights reserved

Настоящее издание выходит с разрешения
Darley Anderson Literary, TV & Film Agency и The Van Lear Agency

Перевод с английского Натальи Буравовой
Серийное оформление и оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Фишер К.

Ф68 Послушная жена : роман / Керри Фишер ; пер. с англ. Н. Буравовой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2024. — 512 с. — (Гербарий).

ISBN 978-5-389-26162-4

Выйдя замуж за Нико, Мэгги обрела не только любящего мужа для себя и доброго отчима для своего десятилетнего сына, но и целую толпу новых родственников из клана Фаринелли: высокомерную и властную свекровь Анну, шумного, пылко-го деверя Массимо с бесцветной женой Ларой и пугливым сыном Сандро, а также падчерицу Франческу, дочь Нико от сгоревшей из-за рака первой жены. Сколько ни бьется Мэгги, девочка-подросток не желает принимать мачеху, да еще между ними стоит стена семейной тайны... Но Мэгги с ее светлой душой и спокойным оптимизмом не собирается сдаваться! Необыкновенно трогательный и яркий роман исследует отношения в семье, которые иногда превращаются в эмоциональные американские горки, заставляя заглянуть в самую глубину собственного сердца.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

© Н. Б. Буравова, перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-26162-4

Глава первая

Мэгги,

Брайтонский отдел регистрации,

15 января 2016 года

При словах «Встанем же и поприветствуем невесту» я принялась оглядываться в поисках красавицы в белом.

Свадьба моя состоялась в ничем не примечательный полдень в середине января, далеко от любых праздников вроде Рождества или Дня святого Валентина. Мне уже стукнуло тридцать пять, и прежде я никогда не жила с мужчиной. Не потому, что была такой уж монахиней (с довеском в виде десятилетнего сынишки Сэма изображать невинность просто смешно), а потому, что меня вечно тянуло не к тем парням. Меня привлекали те, из-за кого отцы запирают дочерей в башне замка, а самих ухажеров поливают из верхнего окна кипящим маслом.

Правда, отца-то у меня никогда не было, одна мама, которая во всех видела только хорошее. Сломленные жизнью, съехавшие с катушек, пустые мечтатели — каждому мама позволяла приземлиться беспомощной задницей на наш диван и кормила горячими бутербродами с сыром. Вместо того чтобы

гнать их поганой метлой, она с улыбкой уверяла меня: «Эх, доченька, в душе-то он хороший, просто немного одичал. Перерастет. Выправится».

Но они так и не выправлялись. А потом я встретила Нико, которому не нужно было ничего перерастать. Столько лет перебирая самых нескладных, самых неприспособленных мужчин, я наконец нашла такого, которого не требовалось выправлять. Который мог сам вставать по утрам, удержаться на работе, справляться с разочарованием и крушением иллюзий, не оставляя при этом за собой шлейфа из пивных банок, долгов и неразберихи. Нико приходил вовремя, от него никогда не веяло выпивкой или грабежом, он не называл моего сына Сэма спиногрызом. Меня же порой величал потрясающей — или *инкредибле*¹, когда хотел щегольнуть своим итальянским происхождением.

И вместо того, чтобы с течением времени считать меня все менее *инкредибле*, он однажды взял да и предложил мне выйти за него замуж. Что для женщины из семьи Паркеров было такой же диковиной, как точно знать, кто твой отец.

Поэтому, идя в церковь за руку с Сэмом, готовая произнести брачные клятвы, я, по идее, должна была чувствовать себя альпинистом, который наконец-то покорил вершину горы, долгие годы простояв у подножия в недоуменных размышлениях: «Как мне, черт возьми, туда взобраться?» Но

¹ Невероятная (*ит.*). — Здесь и далее примеч. пер.

я ощущала себя скорее неудачливым футбольным тренером, покорно принимающим гневное улюлюканье болельщиков.

Идя по проходу, я попыталась поймать взгляд Франчески. Хотелось показать ей, что все будет не так плохо, как она опасается, что мы справимся. Но девочка по-прежнему сидела опустив очи долу и склонив голову, сжавшись в эфемерной битве между неприятием и душевной болью.

Меня так и подмывало остановиться, попросить немногочисленных гостей выйти на минутку, а самой обнять эти дерзкие, но уже поникшие в поражении плечики и сказать будущей падчерице, что я на ее стороне. И снова я усомнилась, правильно ли поступает Нико, женись на мне и не оставляя дочери иного выбора, кроме как принять меня в качестве нового члена семьи.

Слишком поздно.

Я стиснула руку Сэма, пытаюсь показать, что приняла решение не только за себя, но и за него. Моя мама, Берил, обожала Сэма, но ему, чтобы чего-то добиться в жизни, требовалось несколько больше, чем умение прятаться от арендодателя в день квартплаты.

Когда заиграли последние веселые такты «Часовни любви»¹, я попыталась выбросить из головы все, кроме Нико, и наслаждаться моментом, ведь

¹ Популярная песня Джеффа Барри, Элли Гринвич и Фила Спектора (1964).

мужчина, который оказался моей второй половиной, выразил готовность ринуться в неизвестность, женившись на мне. Что случилось впервые для трех поколений Паркеров.

Я смотрела на затылок жениха, на темные вьющиеся волосы, которые топорщились, несмотря на все попытки их приручить, и испытывала прилив необыкновенного восторга. А в один опасный момент даже подумывала пройтись колесом оставшиеся до регистраторши метры. Но потом решила не заходить так далеко в первый же свой день в семье Фаринелли. Судя по кислым лицам, мои новые родичи за всю свою уныло безупречную жизнь ни разу даже не подпрыгнули. И все же я таила надежду, что нам с Нико повезет и мы, проявив немного терпения, сумеем вместе с детьми объединиться в нечто напоминающее нормальную семью. Впрочем, что для одного норма, то для другого безумие.

Пусть хотя бы для нас самих семья выглядит нормальной.

Но вот закончилась песня, а с нею угасло и мое желание покачивать бедрами и щелкать пальцами, сменившись скучным поведением взрослой тетеньки, выходящей замуж. Шепелявая регистраторша поинтересовалась, как и положено по церемонии, известны ли кому-нибудь причины, препятствующие нашему браку. Я затаила дыхание, готовая услышать пронзительный вопль протеста, который долетит до гостиничного бара, после чего посетители, бросив на столах недопитые пинты, толпой

ринутся сюда посмотреть, что происходит. Позади сопели и ерзали, а я изо всех сил старалась не думать о родственниках Нико. Не хотелось представлять их лица: откровенное отвращение, перекосившее вечно чванливую мину его матери Анны, сальную ухмылку старшего брата Массимо, словно Нико собирался сделать глупость... в который раз. Я надеялась, что они пусть и поневоле, но порадуются официальному признанию нашей любви и тому, что после стольких испытаний Нико счастлив и наконец спокоен. Однако вместо ликующей толпы, обычной для «ритуального» зала, наша группа скорее напоминала пациентов, которые готовятся к коллективной колоноскопии.

Я оглянулась в поисках моральной поддержки, и подружки с района дружно вскинули большие пальцы. Пришлось поскорее отвернуться: не дай бог, еще примутся скандировать, будто на скачках, когда лошадь, на которую они поставили, приходит первой. Будущая свекровь уже неодобрительно разглядывала их декольте и блески и наверняка невесть что подумала о моей лучшей подруге, чья шляпка напоминала шоколадный трюфель. Я поспешно перевела взгляд на маму. Вот кто не разочаровал, улыбаясь во весь рот, словно веселый куст рододендрона среди кучи засохших луковиц. Вспомнились ее вчерашние слова: «Выше голову, детка. Ведь для этой семьи ты просто дар небес. Дай дочурке Нико немного спокойствия и любви».

Впервые в жизни мне хотелось погрузиться в любовь с головой, поверить, что она бывает особенным и ярким чувством, а не позорным провалом, после которого, глядя в зеркало, остается лишь качать головой от собственной глупости. Произнося клятвы, я не сводила глаз с Нико, укрываясь исходящими от него добротой и сердечностью от остальной публики. Но взгляд Франчески царапал мне спину, заставив споткнуться на втором имени Нико, Лоренцо. Сразу представилось, как вся семья закатывает глаза. Нико сжал мне руку, безмолвно напоминая, что мы готовились к этому, обсуждая, насколько непростой может оказаться церемония. Что, как любят говорить политики, «мы пройдем через это вместе». Но я по-прежнему ощущала колючее неприятие Франчески, которое металось между нами в поисках трещинки, расщелинки, куда можно излить протест, бурную ярость из-за того, что всего через два года после смерти матери отец решил жениться снова.

Несмотря на все мои попытки хоть как-то сблизиться с девочкой, она балансировала между неприветливой уклончивостью и откровенной грубостью. Порой, когда я предлагала сходить в кино или поужинать в ресторане, лицо Франчески озарялось, но потом снова становилось угрюмым, словно любую радость по поводу моих идей она считала вероломством по отношению к матери. Присутствие на нашей свадьбе, вероятно, казалось ей предательством окончательным и бесповоротным, поэтому

я предложила Нико милосердно оставить выбор за ней. Но мой жених был непреклонен: «Мы ведь хотим быть семьей, а не просто случайными попутчиками, каждый из которых тянет в свою сторону. Нет уж, нужно выступить единым фронтом. В конце концов девочка успокоится».

Но как новый брак отца может стать поводом для праздника? Тринадцатилетнему подростку наверняка казалось катастрофой, что память о матери уходит все дальше, изглаживается, рассеивается. Что отец, чье горе поначалу было таким же острым, научился жить без ее мамы, и теперь Франческа в одиночестве ковыляет вперед, упрямо вздымая знамя утраты.

Когда позади прокатился вопль, сердце у меня подпрыгнуло, и на секунду я подумала, что Франческа все-таки вышла из себя. Даже регистраторша осеклась. Но легкий топоток мелких шажков по мраморному полу мог принадлежать только Сандро, семилетнему племяннику Нико. За ним последовал перестук высоких каблуков его матери, после чего дверь с грохотом захлопнулась.

Я всеми силами старалась не оглянуться, заставляя себя вслушиваться в голос регистраторши, которая как раз дошла до самой пугающей части — «в болезни и в здравии». Я никак не могла сосредоточиться на свадебных клятвах, думая только о том, что Нико их повторяет уже второй раз. Ощущали ли он тогда хоть на мгновение бремя этих клятв, реальность, с которой ему придется столкнуться

лицом к лицу? Разве мог Нико подумать, что Кейтлин, такую подтянутую и аккуратную, с крепкими мышцами и гладкими волосами, сожрет болезнь и ему придется наблюдать, как постепенно, неделя за неделей, жена истаивает? Размышляя о детях, представлял ли он, что будет болтать за столом с дочерью-подростком, старательно избегая смотреть на место, прежде занятое Кейтлин, а теперь вызывающе скорбное в своей пустоте?

На этих словах голос Нико прервался. Я положила ладонь ему на плечо, давая понять, что ближайšie пятьдесят лет намереваюсь двигаться только вперед, никуда не сворачивая, какие бы ни возникали препятствия. И по горячности, с которой Нико в ответ ухватил меня за руку, поняла: второй брак он будет строить по образу и подобию первого.

Слава богу, я прожила достаточно долго, чтобы уже не верить в сказки.

Глава вторая

Лара

Присутствующие неодобрительно вздрогнули, а семья Фаринелли дружно нахмурилась, когда в зале появилась Мэгги: босиком и сжимая в одной руке единственный подсолнух, а другой держа под локоть своего сына Сэма. Она шла по проходу такой гарцующей походкой, словно вот-вот пустится в пляс, словно сам ритм «Часовни любви» просочился в ее конечности, наполнив их радостью.

Сэм в мальчишеском фраке и маленьком цилиндре протиснулся мимо нас, и я понадеялась, что никто не слышал, как мой муж Массимо шепнул:

— Ты погляди, ну просто цирк.

Не выдержав, я покосилась на свекровь: Анна стояла прямо, словно кочергу проглотила, а на макушке, как хищный орел, угнездилась шляпка-таблетка. Лицо являло собой образец презрения, будто свекровь с трудом сдерживалась, чтобы не заорать: «Хватит с меня этого балагана!»

Анна наклонилась вперед и сквозь колышущуюся вуалетку поймала мой взгляд. Светский лоск не позволял ей демонстрировать эмоции, но я-то понимала, что заря сравнений для новой невестки

уже занимается. Возможно, у меня даже появился шанс выйти победительницей после многолетних замечаний вроде «Кейтлин после рождения Франчески сумела быстро вернуть форму, хотя тебе это не грозит, у тебя ведь было кесарево сечение», бесплатных советов, как шарфом «замаскировать брюшко», и нелепой вырезки из «Дейли мейл» со статьей «Похудей на размер за десять дней!», оставленной у меня на кухонном столе. Кроме того, я плохо готовила, не умела ухаживать за садом и вообще заниматься тем, что Анна называла «вести дом». Оставалось только надеяться, что Мэгги не обладает бездонным запасом тайных навыков, которые повергнут меня в пучины стыда.

Впрочем, при виде Мэгги становилось понятно: ее мало заботит чужое мнение. С татуировкой в виде розочки на лодыжке, ярко-голубым педикюром и копной кудрей, каскадом струящихся по спине, она больше напоминала язычницу, собравшуюся провести ритуал на празднике новолуния, чем невесту, которой предстоит влиться в семью, члены которой уже чинили ей все возможные препоны. Нужно быть очень уверенной в себе, чтобы противостоять напору Анны с ее незыблемым представлением о поведении, «достойном фамилии Фаринелли».

Насколько я знала свекровь, она наверняка использовала все способы помешать Нико жениться на Мэгги: «Два года слишком рано, ты все еще скорбишь», «Это несправедливо по отношению

к Франческе. Ей нужна не новая мать, а отец, способный отдавать несчастной девочке все внимание», «Ты действительно хочешь взять на себя чужого ребенка, да еще и байстрюка?». И слова, скорее всего, были именно такими. Все, что не соответствовало мировоззрению Анны, немедленно выводилось за скобки и безжалостно уничтожалось.

Но отвадить Нико от Мэгги ей, похоже, не удалось. Его лицо пылало от волнения, будто парню не верилось, что это прекрасное беззаботное создание согласилось оживить бесцветные закоулки особняка Фаринелли. Удивительно, что мы с Мэгги оказались ровесницами: нам обеим было по тридцать пять. Но она свою взрослость несла легко, словно состояние, в которое погружаешься лишь при крайней необходимости, делая короткую паузу в бесшабашно-веселой жизни без всяких забот о завтрашнем дне. Я со своей аккуратной стрижкой, жемчужно-розовыми ногтями и платьями до колен, которые нравились Массимо, пожалуй, выглядела лет на десять старше.

Поэтому, хоть Анна и твердила, что брак обречен, я не жалела Мэгги. Я ей завидовала. Завидовала жгучей силе новой любви деверя и его избранницы. Их оптимизму. Их надеждам на будущее.

Мне представилось, как Нико смеется над ее песенками под радио, как целует ее в макушку, когда она сидит за столом, как заправляет ей шарф под пальто, провожая на работу. И я почувствовала

укол ностальгии по тем дням, когда Массимо про- скальзывал ко мне в кабинет и мы принимались жаростно целоваться, отчего аккуратные стопки документов, счетов и прочих бумаг, которые я составляла и проверяла, веером разлетались со стола. По корпоративным ужинам, во время которых мы были настолько поглощены друг другом, что отрывались от разговора, только когда официанты уже начинали подметать зал. Мне отчаянно не хватало душевной связи, ощущения принадлежности, возможности снова почувствовать себя частью семьи.

Вот бы на эту свадьбу пришел и мой папа. Массимо думал только о своих интересах и не желал смущать тестя новыми лицами, но папа по-прежнему любил музыку, и эта песня из 1960-х пришлась бы ему по вкусу. А уж меня-то любое его одобрение просто осчастливило бы. И мне бы очень хотелось снова увидеть папу в костюме, умного, улыбчивого, каким он был раньше.

Какими и все мы были раньше.

Когда Нико и Мэгги стали произносить клятвы, я вновь принялась рассматривать новобрачных, попутно отметив застывшее лицо Франчески. Несмотря на мрачные пророчества Анны, я считала, что повторная женитьба Нико пойдет его дочери на пользу. Сама я осталась без матери еще совсем маленькой, и теперь, наблюдая, как добрый старый папочка тускнеет и выцветает, словно старая поляроидная фотография, была бы счастлива, окажись рядом дружелюбная и веселая мачеха. Может, будь

у меня с кем хотя бы поговорить, и жизнь сложилась бы совсем по-иному.

Но не успела я углубиться в эти размышления, как мой семилетний сын Сандро заметил паука, юркнувшего под стул перед ним. После того как несколькими днями ранее пропала наша кошка Мисти, Сандро стал еще впечатлительнее и пугливее, и на его бледном личике застыло выражение человека, который прочел инструкцию по эвакуации с самолета и теперь лишь дожидается нужного момента. Полная противоположность тому немногому, что я успела увидеть у сына Мэгги, Сэма, который выглядел так, словно с трудом сдерживает озорной смешок. Сандро заерзал. Потом толкнул меня и показал пальцем под стул. Я наклонилась и прошептала, что бояться не стоит, это всего лишь маленький паучок, который не причинит ему вреда, как вдруг членистоногое уперлось в каблук Берил, после чего побежало прямо к Сандро. Тот завопил и вскарабкался на стул. Анна обернулась, нахмурившись и, без сомнения, собирая боеприпасы для очередного ядовито-назидательного залпа: «Лара делает все возможное, но, увы, не может контролировать этого ребенка». Массимо наклонился, пытаясь перехватить сына, но Сандро спрыгнул на пол и помчался вдоль пустых стульев. Я погналась за ним, уцепила за руку и вывела из зала, радуясь предлогу оставить позади ожидания и обвинения Фаринелли. Хотя буквально кожей ощущала презрительное осуждение, змеящееся из-под богато

украшенной двери, которую попыталась тихо закрыть за собой. Потом прижала Сандро к себе, ожидая, пока он успокоится.

Взяв себя в руки, я смогла произнести спокойным тоном:

— Все в порядке, паучок был совсем небольшой.

— На самом деле я плачу не из-за паука, мама. Я скучаю по Мисти.

— Мы все ее любим, милый. Она непременно найдется, не волнуйся.

И я очень надеялась, что семилетний ребенок не уловит в моем голосе сомнений.

Глава третья

Мэгги

В качестве «медовых суток» нам с Нико удалось провести одну блаженную ночь в постоялом дворе пятнадцатого века. А более длительный отпуск мы решили взять попозже, когда дети привыкнут к новому укладу, который, судя по поведению Франчески две недели спустя, грозил наладиться разве что на рубеже следующего столетия.

Старания Нико в течение предыдущего года постепенно приучить ко мне Франческу ни к чему не привели. Тщетно мы пытались создать семейную атмосферу, то устраивая вечерние посиделки дома, то заваливаясь в кино. Пальцев одной руки хватит пересчитать моменты, когда девочка не отпускала колких замечаний, что Кейтлин была лучше/стройнее/выносливее/веселее меня. Даже если мне удавалось проявить «высший пилотаж», у Кейтлин это все равно получалось лучше и с меньшими усилиями. В конце концов Нико пустил все на самотек по принципу «хочешь не хочешь, а терпеть придется», однако было решено, что мы с Сэмом переедем к нему не раньше чем за неделю до свадьбы, чтобы,

подведя окончательную черту в отношениях, так или иначе найти способ ужиться вместе.

— А ты не против переехать в дом, где жила Кейтлин? — спросил Нико, когда сделал мне предложение несколько месяцев назад.

Я отмахнулась от его озабоченности, думая, что просто смешно хоть на минуту усомниться по поводу переезда из мышиной норки, где обитали мы с мамой и Сэмом, в викторианский особняк Нико с двумя ванными комнатами и четырьмя спальнями. Правда, я попыталась придумать, как, не выглядя бесчувственной скотиной, сказать: «Мне не хочется спать в постели, которую ты делил с первой женой, и уж тем более в той, где она умерла», но не смогла.

Однако Нико, словно заглянув в самую дрянную, самую подлую часть меня, вдруг заявил:

— А кровать мы купим новую. И выбирать будем вместе. — В подробности он вдаваться не стал, и я была до смешного благодарна, что не пришлось гадать, на какой стороне матраса с эффектом памяти спала Кейтлин.

Впрочем, новая кровать все равно не позволила мне чувствовать себя здесь как дома. Даже через две недели после свадьбы я по-прежнему просыпалась с мыслью, что отрубилась посреди фотосессии об интерьерах для глянцевого журнала. Серые подушки с бирюзовой крапинкой подчеркивали изящество стульев в тонкую полоску. Платяные шкафы в стиле

шебби-шик¹ с керамическими ручками выглядели так, будто их сделали вручную в Тоскане. И все было на своих местах, даже для подносов имелась на кухне специальная стойка. В доме Нико царил такой порядок, что создавалось впечатление, будто на самом деле там никто не живет. Полная противоположность маминой обители, где в коридоре валялось велосипедное снаряжение Сэма, в солнечном углу гостиной, как триффиды², разрастались комнатные растения, а хомяку Сэма отводилось больше места, чем всем нам, вместе взятым, если учесть бесконечные метры его беговых лабиринтов и ветвящихся тоннелей. Что бы ни потребовалось отыскать в особняке — упаковку для подарка, запасной предохранитель, колышек, чтобы подпереть подсолнух, — Нико наверняка ответил бы: «Возьми вон в том ящике». Я же привыкла выцарапывать нужную вещь, нырнув в развалы под раковиной, как такса в кроличью нору. Похоже, всякий раз, как в доме появлялось что-то новое, Кейтлин безжалостно выбрасывала что-то старое.

Мне отчаянно хотелось съехать из маминой квартирki. Последние три года снимать свое жилье было уже не по карману, и мы с Сэмом вдвоем спали на диване-кровати в маминой гостиной. Благодаря многочисленным гирляндам, лоскутным подуш-

¹ Потертый (шебби) шик — стиль интерьера, для которого характерны пастельные тона, романтика и налет антикварности.

² Инопланетные разумные растения-захватчики, описанные в фантастическом романе Джона Уиндема «День триффидов».

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

КЕРРИ ФИШЕР

ПОСЛУШАНАЯ ЖЕНА

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Светлана Лисина
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Людмила Виноградова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 13.09.2024.
Формат издания 84 × 108 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 24,32. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вв. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филiaal ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

R-GRR-35142-01-R